

равное девяти счетным элементам предыдущего разряда (при использовании пятерично-десятичного или десятичного абака), когда новый разряд получается присоединением к девяти счетным элементам десятого. То, что «предразрядное» в указанном смысле число «девяносто» русские клали в основание счета, прямо следует из слов С. Герберштейна, дважды посетившего Россию в первой половине XVI в.¹⁰ Можно предположить, что на математические представления русских людей XV—первой половины XVI в. оказывало влияние употребление наглядно-инструментального способа вычислений, отразившегося в выборе в качестве основания «предразрядных» значений чисел как в обычном (девяносто), так и денежном (рубль в 216 денег) счете.

Ю. Г. АЛЕКСЕЕВ

ВЛАДИМИРСКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ И ПОБЕДА НА УГРЕ

Крупнейшее событие в истории нашего Отечества в XV в. — победа на Угре и падение ордынского ига — отразилось почти во всех русских летописях.¹

Как известно, существуют четыре основных рассказа о событиях лета—осени 1480 г., связанных с отражением последнего нашествия Большой Орды: 1) Московской летописи и близких к ней; 2) Типографской летописи и близких к ней; 3) Софийской II и Львовской летописи; 4) Вологодско-Пермской летописи.

Во всех четырех случаях перед нами именно рассказ — распространенное, связанное, более или менее последовательное изложение событий.

Рассказ Московской летописи (МЛ) является наиболее пространным.² Он содержит изложение событий начи-

¹⁰ Герберштейн Сигизмунд. Записки о московитских делах; Новомоский Павел Иовий. Книга о московитском посольстве / Введ., пер. и примеч. А. И. Малеина. СПб., 1908, с. 90.

¹ Новейшие обзоры летописных известий см.: Клосс Б. М., Назаров В. Д. Рассказы о ликвидации ордынского ига на Руси в летописании конца XV в. — В кн.: Древнерусское искусство. Искусство и культура эпохи Куликовской битвы. М., 1983; Назаров В. Д. 1) Свержение ордынского ига на Руси. М., 1983, с. 10—16; 2) Конец ордынского ига. — Вопр. истории, 1980, № 10, с. 110—112; Лурье Я. С. Конец золотоордынского ига («Угорщина») в истории и литературе. — Рус. литература, 1982, № 2, с. 52—69; Шанский Д. Н. «Стояние на Угре» 1480 г. (некоторые итоги и задачи изучения). — В кн.: Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983, с. 115—123.

² ПСРЛ, т. 25, с. 327—328. По наблюдениям Я. С. Лурье, Московская летопись по Уваровскому списку, изданная в т. 25 ПСРЛ, является великокняжеским сводом 90-х годов XV в., легшим в основу официального летописания XVI в. В его основу, по мнению исследователя, положен рассказ, возникший в кругах, близких к архиепископу Вассиану и отразившийся в Типографской летописи (Лурье Я. С. 1) Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976, с. 243—247; 2) Конец золотоордынского ига..., с. 56). В. Д. Назаров считает, что первоначальный официальный рассказ отразился в неизданном Лихачевском летописце (Архив ЛОИИ СССР, ф. 238, оп. 1, № 365) и лег в основу рассказа и Московской, и Ти-

пая с весны 1480 г. (известия о начале похода Ахмата) и кончая возвращением русских войск с Угры. В этом рассказе наряду с чисто нарративными, повествовательно-оценочными элементами уделяется большое место известиям о выступлениях, передвижениях и действиях русских войск, распоряжениям великого князя и другим фактическим данным. События излагаются в следующем порядке: 1) известие о начале похода Ахмата; 2) развертывание русских войск на Оке; 3) попытка обходного маневра Ахмата через Угру; 4) приезд великого князя в Москву и отъезд его; 5) бои на Угре; 6) отвод русских войск к Кременцу и далее к Боровску; 7) бегство Ахмата от Угры и его гибель; 8) возвращение русских войск в Москву.

Фактическая часть рассказа содержит пять точных дат событий: 8 июня — отправка к Серпухову войск Ивана Молодого; 23 июля, воскресенье (в Уваровском списке ошибочно — «июня»), — выступление великого князя к Коломне; 30 сентября — приезд его в Москву; 3 октября — выступление его из Москвы в Кременец; ³ 11 ноября — бегство Ахмата от Угры.

Наличие точных дат, а также фактических сведений, таких как отправка войск на Оку, передвижение их на Угру, их боевых действиях, отход к Кременцу и Боровску, отправка отрядов для защиты заокской украины, возвращение войск в Москву, окончания с братьями, возвращение великой княгини Софьи, дает возможность высказать предположение, что в руках составителя рассказа были какие-то современные событиям записи типа разрядных или походного дневника великого князя. Образцом такого походного дневника, точно и лаконично фиксирующего события, может служить рассказ той же летописи о походе 1477 г. на Новгород, где действия и перемещения войск и распоряжения великого князя расписаны буквально по дням.⁴ Необходимо при этом отметить, что рассказ МЛ о событиях 1480 г., если он действительно был основан на подобных записях, использовал их далеко не полностью: отсутствуют подавляющее большинство дат, имена воевод, подробности боевых действий. По-видимому, из своего фактического документального источника автор рассказа отобрал только то, что, по его мнению, было наиболее существенным. С другой стороны, он насытил свой рассказ чисто нарративными элементами — рассуждениями, оценками и сентенциями политического и морального характера.

пографской летописей. Последняя также, в свою очередь, отразилась на Московском своде; см.: Назаров В. Д. 1) Свержение ордынского ига, с. 12; 2) Конец ордынского ига, с. 110—112. В первичности известия Лихачевского летописца выразил сомнение Я. С. Лурье (Лурье Я. С. Конец золотоордынского ига..., с. 59—62).

³ Лихачевский летописец считает 3 октября датой появления на Угре войск Ивана Молодого, посланных великим князем: «Тое же осени октября 3 сын его князь великий Иван Иванович и брат великого князя сташа на Угре рече» (Лихачевский летописец, л. 852). Начало фразы выделено кинноварным инициалом.

⁴ ПСРЛ, т. 25, с. 311—325.

Рассказ Типографской летописи⁵ (ТЛ) по последовательности излагаемых событий близок к рассказу Московского свода и в своей фактической части восходит, видимо, к тому же источнику. Однако он почти не приводит точных дат, зато содержит значительно больше морально-религиозных рассуждений и публицистических выпадов.⁶ Ввиду этого ценность рассказа ТЛ для восстановления фактического хода событий ниже, чем рассказа МЛ.

Софийско-львовский рассказ (СЛ) в своей части, не восходящей к другим летописям, представляет собой вполне оригинальное повествование.⁷ Оно весьма богато именами, событиями, деталями, не встречающимися ни в одном другом источнике, живописными сценами (вроде обращения горожан к великому князю); летописец приводит прямую речь действующих лиц и даже знает их помыслы (вроде мысли великого князя бежать «к Окияну-мору»). Рассказ приводит и одну новую дату — Дмитриев день (26 октября), когда «стала зима и реки все стали».⁸

Необходимо отметить две характерные особенности этого рассказа. Во-первых, обилие фактических сведений (правдоподобных, сомнительных и фантастических). Во-вторых, резко выраженная антивеликокняжеская направленность: все события трактуются под углом зрения, наиболее отрицательным по отноше-

⁵ ПСРЛ, т. 24, с. 199—202. См. о нем: Лурье Я. С. 1) *Общерусские летописи...*, с. 218—219; 2) *Конец золотоордынского ига...*, с. 55—57, 62—63; Назаров В. Д. *Свержение ордынского ига...*, с. 13—14.

⁶ Рассказ ТЛ тесно связан с ростовским архиепископом Вассианом и его окружением (Лурье Я. С. *Конец золотоордынского ига...*, с. 62—63; Назаров В. Д. *Свержение ордынского ига...*, с. 13).

⁷ ПСРЛ, т. 20, ч. 1, с. 339, 345—346.

⁸ Рассказ СЛ давно привлекает внимание исследователей (Пресняков А. Е. *Иван III на Угре*. — В кн.: *Сборник статей, посвященных С. Ф. Платонову*. СПб., 1911, с. 280—298). В новейшей литературе ему уделял большое внимание К. В. Базилевич, пришедший к выводу, что этот рассказ представляет собой самостоятельную литературную повесть, проникнутую тенденциозно-враждебным отношением к Ивану III и являющуюся «весьма ненадежным и недостоверным источником для истории борьбы Ивана III с Ахмед-ханом» (Базилевич К. В. *Внешняя политика Русского централизованного государства*. Вторая половина XV в. М., 1952, с. 147). М. Н. Тихомиров, напротив, использовал эту «повесть» без всяких оговорок в качестве одного из основных источников в своем исследовании о событиях 1480 г. в Москве (Тихомиров М. Н. *Средневековая Москва в XIV—XV вв.* М., 1957, с. 231—237). Без каких-либо существенных оговорок принимает сообщения «повести» и Л. В. Черепнин (Черепнин Л. В. *Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв.* М., 1960, с. 879—881). С доверием отнесся к известиям «повести» о событиях, связанных со Стоянием на Угре, и А. Н. Насонов (Насонов А. Н. *История русского летописания XI—начала XVIII в. М.*, 1969, с. 313—314). Я. С. Лурье отметил резко критическое отношение рассказа СЛ к великокняжеской власти (Лурье Я. С. 1) *Общерусские летописи...*, с. 238; 2) *Конец золотоордынского ига...*, с. 63). По наблюдениям В. Д. Назарова, этот рассказ представляет собой самостоятельный источник — особый Успенский летописец, весьма ценный в фактологическом отношении и независимый в своих оценках (Назаров В. Д. *Свержение ордынского ига...*, с. 14—15).

нию к главе Русского государства. В противоположность ему подлинным героем событий рисуется архиепископ Вассиан.⁹ Составление этих черт позволяет высказать предположение, что автор рассказа пользовался сведениями, известными ему лично как очевидцу или участнику событий или почерпнутыми из рассказов осведомленных лиц, близких к правительственным сферам (отсюда, например, имена реальных действующих лиц, бояр и дьяков, детали переговоров с Ахматом и др.). В то же время автор рассказа, по-видимому, не пользовался официальными записями дневникового типа.

Рассказ Вологодско-Пермской летописи (ВП) также вполне оригинален. В нем дается свое изложение последовательности событий, без первого этапа борьбы с Ахматом (развертывание русских войск на Оке), а начиная поход сразу с Угры. Он допускает и явные ошибки (Кременец на Оке и т. п.). Вместе с тем он содержит ряд уникальных известий: о поведении великих княгинь, о переговорах с Ахматом (эти известия частично переплетаются с известиями Софийско-Львовского рассказа). Особую ценность представляют подробности боевых действий на Угре. Рассказ содержит ряд дат и фактических данных, отсутствующих в других источниках: 8 октября («в неделю») — выход Ахмата к Угре; 9 ноября («четверг накануне Михайлова дни» — фактически четверг, кануном которого был Михайлов день — 8 ноября) — бегство его от Угры. Летописец сообщает о четырехдневных боях на Угре после выхода на нее Ахмата (следовательно, о боях 8, 9, 10, 11 октября), о последовавшей затем попытке татар прорваться через Угру у Опакова Городища, называет ширину фронта развертывания русских войск (60 верст, что примерно соответствует расстоянию от Калуги до Опакова); указывает число дней, проведенных Ахматом на Угре (10 дней) и в Литовской земле в целом (6 недель); точно перечисляет города, уезды которых разорены Ахматом (таких городов — двенадцать), сообщает подробности нападения на заокскую Украину после отступления главных сил Ахмата. Необходимо подчеркнуть, что все эти подробности, хотя и отсутствующие в других летописных рассказах, по существу своему отнюдь не противостоят данным рассказа МЛ, но дополняют их. В руках автора рассказа ВП был ценный фактический источник, восходящий, по-видимому, к официальным правительственным записям.¹⁰

⁹ Это не дает возможности присоединиться к мнению В. Д. Назарова, что тенденциозность рассказа проявляется «не в резких критических высказываниях в адрес Ивана III..., а в обелении мотивов поступков его братьев» (Назаров В. Д. Конец ордынского ига..., с. 114).

¹⁰ По мнению В. Д. Назарова, фактические данные ВП восходят, «с одной стороны, к оригинальному летописцу..., а с другой — к записям, сделанным в Москве, скорее всего, при митрополичьей кафедре» (Назаров В. Д. Конец ордынского ига..., с. 112), или к московскому церковному летописанию (Назаров В. Д. Свержение ордынского ига..., с. 15). Представляется, однако, что едва ли при митрополичьей кафедре или в составе церковной летописи могла вестись столь подробная и точная фиксация хода боевых действий, которая содержится в ВП. Поэтому пред-

Особое место занимает рассказ Устюжской летописи.¹¹ Этот краткий рассказ характеризуется двумя основными особенностями. Во-первых, он приводит собственную датировку событий, не совпадающую с данными других летописей (так, Ахмат стоял «на Угре реке лето все и до Воздвижения дни», т. е. 14 сентября, «и побежа от Угры сентября в 15 день»). Эти сведения летописец мог получить только из мало осведомленного источника. Во-вторых, почти не включая нравоучительных сентенций, он проникнут резкой антивеликокняжеской направленностью, симпатиями к мятежным удельным князьям Андрею и Борису и возвеличением роли архиепископа Вассиана. В этом отношении рассказ Устюжской летописи близок к оригинальному рассказу Софийско-Львовской: приписываемое последней великому князю намерение бежать «на Окиян-море» в изображении Устюжской превратилось в совершившийся факт: «и побеже от Угры к Москве и на Белоезеро за великою княгинею», и убежал бы совсем, да «удержав его владыка Васьян». Указанные особенности делают рассказ Устюжской летописи любопытным публицистическим памятником, отражающим настроения определенных кругов, но не дают возможности относиться к нему как к достоверному источнику, изображающему действительный ход событий.

Итак, наиболее полная картина событий на Угре в октябре — начале ноября 1480 г., т. е. в решающий период борьбы с нашествием Ахмата, получается путем сопоставления в первую очередь двух наиболее фактологических летописных рассказов — Московской и Вологодско-Пермской летописей. Именно эти рассказы позволяют в какой-то степени восстановить хронологию и фактический ход событий.

Существует, однако, еще один летописный памятник, обычно не привлекаемый при изучении событий на Угре. Это Владимирский Летописец (ВЛ).¹² ВЛ, существующий в двух списках XVI в., был известен еще М. М. Щербатову под названием Летописца Кривоборского, но затем забыт¹³ и в наши дни вновь введен в научный оборот М. Н. Тихомировым.¹⁴

ВЛ состоит из двух частей. Первая, кончающаяся 1391 г., близка к Симеоновской и сходным с ней летописям. Вторая часть содержит краткие заметки за 1335—1523 гг. Внимание исследователей привлекала прежде всего первая — основная часть ВЛ, так как, по М. Н. Тихомирову, она «позволяет более точно восстановить некоторые тексты Троицкой летописи».¹⁵ Л. Л. Му-

положение, что в ВП отразились деловые правительственные записи, мне кажется более вероятным.

¹¹ ПСРЛ, т. 37, с. 48—49, 94—95.

¹² ПСРЛ, т. 30, с. 239. В новейшей литературе его использовал В. Д. Назаров (Назаров В. Д. Свержение ордынского ига..., с. 15).

¹³ Лурье Я. С. Общерусские летописи..., с. 25.

¹⁴ Тихомиров М. Н. Летописные памятники б. Синодального (Патриаршего) собрания. — Ист. зап., М., 1942, т. 13, с. 257—262.

¹⁵ ПСРЛ, т. 30, с. 3.

равьева установила новгородский и общерусский источники этой части ВЛ: по ее наблюдениям, ими оказались соответственно Новгородская IV летопись и «Летописец Великий Русский»¹⁶ (последнее утверждение было оспорено, однако, Я. С. Лурье).¹⁷

Вторая часть ВЛ представляется, по мнению исследователей, малоинтересной. Так, Л. Л. Муравьева видит в этой части «отдельные краткие заметки..., содержание которых известно по другим сводам».¹⁸ М. Н. Тихомиров считает эти заметки извлечениями из большого свода, сделанными очень небрежно, с пропуском ряда известий.¹⁹ «Интересные и полноценные записи» исследователь находит только за 1495—1523 гг.²⁰

Таким образом, вторая часть ВЛ до настоящего времени не изучена. Ее характер и источники ждут своего исследователя. Однако представляется, что негативное отношение к этой части памятника едва ли является обоснованным. Большинство погодных заметок ВЛ за 1460/61—1494/95 гг. представляет собой крайне сокращенное изложение известий, содержащихся в других летописях, — прежде всего в МЛ и близких к ней, а также Типографской и др. При этом составитель заметок нередко переставляет известия из одного года в другой. Так, под 1460/61 г. он сообщает о поставлении епископа Рязанского Давида, что произошло (по данным МЛ) в феврале 1462 г., под 1471/72 г., — о смерти митрополита Филиппа и кн. Юрия Васильевича (из 1472/73 г.). В заметках допускаются и другие ошибки. Так, поставление митрополита Зосимы летописец относит к январю 1491 г. (на самом деле — сентябрь 1490 г.). В заметках опущены многие известия, важные и по существу, и по тому вниманию, с которым к ним относятся другие летописцы (нет известий об опале углицких детей боярских в последние месяцы княжения Василия Темного, о второй женитьбе Ивана III и многих других).

Автор заметок дает иногда свое объяснение событий, не встречающееся в других летописях. Так, инициативу закладки нового Успенского собора в 1471/72 г. он приписывает не митрополиту Филиппу, а великому князю. Есть основание говорить об определенной провеликокняжеской направленности автора заметок — она связана, может быть, с его близостью к правительственному аппарату.

В ряде случаев автор заметок уточняет сведения, сохранившиеся в других летописях. Под 1491/92 г. он сообщает о поимании кн. Федора Вельского с точным указанием даты (8 декабря) и места (на Луху). В других памятниках это известие отсут-

¹⁶ Муравьева Л. Л. 1) Новгородские известия Владимирского летописца. — В кн.: Археограф. ежегодник за 1966 г. М., 1968, с. 37—41; 2) Об общерусском источнике Владимирского летописца. — В кн.: Летописи и хроники. Сб. статей 1973 г. М., 1974, с. 143—149.

¹⁷ Лурье Я. С. Общерусские летописи, с. 57, примеч. 121.

¹⁸ Муравьева Л. Л. Об общерусском источнике..., с. 149.

¹⁹ Тихомиров М. Н. Летописные памятники..., с. 261.

²⁰ Тихомиров М. Н. Из Владимирского летописца. — Ист. зап., М., 1945, т. 15, с. 278.

ствуется. Под 1492/93 г. даются точная гражданская дата пожара в Костроме (31 марта, в других летописях — вербная суббота, что совпадает) и точная дата пожара в Москве с указанием часа — 15 апреля, 3 часа ночи, против радуницы (в других летописях — 16 и 17 апреля). Под 1493/94 г. летописец точно называет дату смерти кн. Бориса Волоцкого — 26 мая. В других летописях эта дата отсутствует, говорится только о прибытии в Москву тела умершего князя (29 мая). (Никоновская летопись относит к 29 мая и саму кончину князя Бориса, что, очевидно, неверно). Под 1495/96 г. возвращение Ивана III из поездки в Новгород датировано «канун благовещения, четверг 6 недели поста» (в Никоновской летописи — 24 марта, что совпадает с данными ВЛ, в Уваровской — 20 марта, четверг, что неверно — на этот день приходилось воскресенье).

Наибольший интерес представляют уникальные известия, не встречающиеся в других летописных памятниках. Под 1461/62 г. в сообщении о кончине Василия Темного перечислены все его сыновья, как живые, так и умершие. В других летописях этого текста нет, за исключением Степенной Книги.²¹ Под 1494/95 г. приводится подробный состав свиты великой княжны Елены при ее поездке в Вильно на свадьбу с Александром Литовским. Такой перечень встречается только в Посольской книге²² и в Разрядах.²³ По-видимому, автор заметок имел возможность пользоваться официальными документами такого рода. К уникальным относится и известие 6989 г., посвященное событиям на Угре: «В лето 6989, месяца октября в 6 день, в пятницу, приходил царь Ахмут к Угре реке. А князь великий Иван Васильевич с сыном своим князем Иваном ходил против его. И прииде на Угру князь великий месяца того же 11 день. А на Угре стоял князь великий пол-пяти недели. А от Угры царь Ахмут побежал месяца ноября 10 день в пятницу. А князь великий того же дни пошел к Боровску. А на Москву князи великий пришли месяца декабря 28 дня во вторник».²⁴

Запись ВЛ, как видим, характеризуется лаконичностью и полным отсутствием нарративного характера, чем существенно отличается от большинства летописных рассказов об Угре. Однако основная особенность записи — наличие точных дат, отсутствующих в других источниках. Лаконичность известий и точная их датировка роднят запись ВЛ с официальными документами —

²¹ ПСРЛ, т. 21, ч. 2, с. 474.

²² Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. СПб., 1882, т. 1, № 31, с. 163—164.

²³ Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1977, т. 1, ч. 1, с. 40.

²⁴ ПСРЛ, т. 30, с. 137. «Декабря 28 дня во вторник» — ошибка в месяце. Вторник приходился на 28 ноября. По данным других летописей, войска вернулись в Москву в ноябре. Дату, приведенную ВЛ, без корректировки принимает А. А. Зимин; см.: Зимин А. А. Россия на рубеже XV—XVI столетий. (Очерки социально-политической истории). М., 1982, с. 56.

типа походного дневника. Возможно, именно эти документы и были использованы при составлении записи. Остановимся подробнее на датах, приводимых в ВЛ.

1. *6 октября, пятница.* Выход Ахмата к Угре. Дата не совпадает с сообщением ВП, относящей это событие к 8 октября, воскресенью. Однако это расхождение носит внешний характер. Передовые отряды татар действительно могли появиться на Угре за два дня до подхода главных сил и начала решительного сражения за переправу, о котором говорит известие ВП.²⁵

2. *11 октября.* Выход к Угре великого князя, т. е. главных сил русских войск. Это известие имеет особенно важное значение. Сопоставляя его с данными ВП о четырехдневном сражении на переправах, можно предположить, что главные силы русских войск подошли к Угре в последний день этого сражения и тем решили его исход. Из рассказа МЛ известно, что великий князь выступил к Кременцу 3 октября, а оттуда послал свои главные силы на Угру. Не об этом ли событии здесь идет речь? Расстояние от Москвы до Кременца (около 110 км) по осенней распутице могло быть покрыто не менее чем за 3—4 дня, и примерно 2—3 дня требовалось для перехода главных сил от Кременца к устью Угры (60—70 км).²⁶

3. *Четыре с половиной недели* — время пребывания великого князя на Угре. Имеется в виду, вероятно, присутствие главных сил русских войск на Угре, т. е. время начиная с 11 октября. Окончание этого срока соответствует дате 11 ноября, известной по МЛ как день бегства Ахмата и отхода русских от Угры.

4. *10 ноября, пятница.* Бегство Ахмата. Как известно, ВП датирует это событие 9 ноября, а МЛ — 11 ноября. Все три даты, таким образом, не совпадая буквально, стоят рядом в хронологической последовательности. Как и в случае с приходом Ахмата, эти даты не противоречат друг другу по существу: отход татар мог начаться 9, а окончиться 11 ноября. Речь идет об отступлении (бегстве) огромного войска, развернутого на широком фронте, отход с которого на разных участках мог быть разновременным.

5. *10 ноября.* Отход великого князя к Боровску. Как и по МЛ, отход русских войск и бегство татар произошли в один и тот же день. Этим косвенно подтверждается достоверность соответствующего известия, приводимого в МЛ и в ВЛ под соседними датами.

²⁵ В. Д. Назаров считает, что «6 октября главные силы Ахмата вышли в район Воротыньска, а передовые отряды выдвинулись к берегу Угры» (Назаров В. Д. Свержение ордынского ига..., с. 52).

²⁶ Осенью 1440 г. тело кн. Дмитрия Красного везли из Галича в Москву (около 450 км) 14 дней, т. е. по 30—35 км в сутки. В походе 1477 г. на Новгород войска проходили в среднем по 20—35 км в сутки. Поэтому едва ли прав В. Д. Назаров, полагая, что 110 верст от Москвы до Кременца при осенней распутице можно было пройти за полутора-двое суток (Назаров В. Д. Конец ордынского ига..., с. 118). Речь ведь идет о движении большого войска, в состав которого наряду с конницей могла входить и пехота, например ополчение московских горожан,

6. 28 ноября, вторник. Возвращение русских войск в Москву. Эта дата, отсутствующая в других летописях, свидетельствует о медленности движения войск от Боровска. По-видимому, движение было начато после присоединения к главным силам отрядов, высланных для преследования войск Ахмата.

Таким образом, фактические данные и даты, приводимые ВЛ, не противоречат по существу сведениям рассказов МЛ и ВП, но дополняют и расширяют эти сведения.²⁷

Как же выглядит хронология основных событий осени 1480 г., реконструируемая путем сопоставления наших источников?²⁸

Конец сентября. Войска Ахмата вступают в Литовскую землю, т. е. на территорию русских княжеств, находящихся под юрисдикцией Литвы. По данным ВП, это произошло за 6 недель до 9 ноября, т. е. 27—28 сентября, по МЛ — до поездки великого князя в Москву, т. е. до 30 сентября.

30 сентября. Отъезд великого князя из Коломны в Москву (МЛ). Ранее этого отданы распоряжения о передвижении войск Ивана Молодого и Андрея Меньшого к Калуге, на устье Угры.

3 октября. Выступление великого князя из Москвы к Кременцу (МЛ).²⁹

6 октября, пятница. Появление татар на Угре (ВЛ). Как уже указывалось, речь идет здесь, возможно, о появлении передовых отрядов.

8 октября, воскресенье. На рассвете («в первом часу дни») — выход главных сил Ахмата к устью Угры. Начало форсирования Угры татарами (ВП).

8, 9, 10, 11 октября. Четырехдневное сражение на переправах с применением русскими огнестрельного оружия — впервые в по-

²⁷ В. Д. Назаров справедливо отмечает, что «краткий текст Владимирского летописца сохранил ряд важных и по преимуществу точных дат, лишь на первый взгляд противоречащих хронологическим указаниям других источников» (Назаров В. Д. Свержение ордынского ига..., с. 45).

²⁸ В новейшей литературе интересный опыт реконструкции событий на Угре по летописным источникам (как и всей борьбы с нашествием Ахмата) проделан В. Д. Назаровым; см.: Назаров В. Д. 1) Конец ордынского ига..., с. 115—120; 2) Свержение ордынского ига..., с. 44—56. Яркую (но менее документально обоснованную) картину боев на Угре нарисовал В. В. Каргалов (Каргалов В. В. От Непрядвы до Угры. — Наш современник, 1980, № 9, с. 160—179).

²⁹ Софийско-львовский рассказ (Успенский летописец, по В. Д. Назарову) говорит о двухнедельном пребывании великого князя в столице. Даты отъезда его из Москвы нет в Лихачевском летописце, где 3 октября названо днем выхода к Угре войск Ивана Молодого. Дата выступления великого князя имеет большое значение для характеристики действий русского руководства в решающие дни на Угре. Длительное пребывание великого князя в столице, когда хан подходит к переправам и ведет уже бои за них, представляется малопонятным. Оно действительно могло бы дать повод для обвинения его в нерешительности современниками и позднейшими историками. Однако для утверждений об этом длительном пребывании нет никаких данных, кроме красочного рассказа СЛ, не подтверждаемого другими источниками.

левом бою (ВП). Отражение попыток форсирования. (МЛ и ТЛ, говоря о сражении, не называют числа дней).

11 октября. Подход главных сил русских войск, выступивших из Москвы с великим князем (ВЛ) и отправленных им из Кременца на Угру (МЛ). Отказ Ахмата от попыток форсирования Угры в ее низовьях и отход его на две версты (ВП).³⁰

После 11 октября. Попытка части войска Ахмата (по без его личного участия) прорваться через Угру у Опакова (т. е. в обход русских войск и на кратчайшем направлении на Москву) и отражение ее русскими войсками (ВП).

26 октября (Дмитриев день). Угра и другие реки начали замерзать (СЛ). В сопоставлении с данными МЛ и других летописей можно предположить, что Угра именно начала замерзать, так как окончание ее замерзания связывается с отходом русских и бегством Ахмата, что произошло позднее.

9 ноября, четверг. Начало отступления (бегства) Ахмата от Угры (ВП).

10 ноября, пятница. Отступление Ахмата от Угры. Отход главных сил русских к Боровску (ВЛ).

11 ноября. Бегство Ахмата (МЛ, ТЛ).

После 11 ноября. Нападение Амуртазы на Копин и Ньюхово и бегство его при приближении отрядов, посланных великим князем (ВП; то же, но без имени царевича и географических названий — МЛ).

28 ноября, вторник. Возвращение в Москву русских войск во главе с великим князем (ВЛ; по данным МЛ, — ноябрь, без точной даты).

Такова краткая, далеко не исчерпывающая схема событий на Угре. Она нуждается, разумеется, в дальнейшей тщательной разработке и анализе, в ходе чего может и должна измениться, расшириться и уточниться. Тем не менее представляется, что уже на данном этапе она дает возможность сделать некоторые выводы — позволяет, в частности, более объективно оценить действия русского руководства во главе с великим князем. В связи с этим хотелось бы подчеркнуть два момента, обычно не привлекающие внимания исследователей.

Во-первых, устанавливаемое по данным ВЛ прибытие войск, присланных великим князем из Кременца, обеспечило успех в решающем сражении у устья Угры.

Во-вторых, организация защиты заокской украины и преследование Амуртазы русскими отрядами свидетельствует о неточности

³⁰ Как говорилось выше, эта дата соответствует сообщению МЛ о выступлении великого князя из Москвы именно 3 октября. В своей новейшей работе В. Д. Назаров высказал мысль, что дата ВЛ «принципиально согласуется» с сообщением Успенского летописца (софийско-львовский рассказ) о двухнедельном пребывании великого князя в Москве. Однако это мнение принять трудно. Ведь если бы великий князь выступил из Москвы около 14 октября, войска появились бы на Угре не ранее 18—20 октября, чему как раз и противоречит дата ВЛ.

сообщений об отходе русских войск к Кременцу и Боровску при замерзании Угры. Если бы события протекали так, как пишет, например, - МЛ («Князь же великий с сыном и з братьєю и со всеми воеводы придоша к Боровску»³¹), то боевое соприкосновение с татарами было бы полностью утрачено и преследование их стало бы невозможным. Между тем та же летопись сообщает о посылке отрядов Андрея Большого и Андрея Меньшого для защиты украин от «царевича», а из рассказа ВП вытекает, что эти отряды (и отряд Бориса Волоцкого) шли за ним буквально по пятам, отстав от него всего на несколько часов.³² Для этого были необходимы по крайней мере два условия: хорошая разведка и непрерывное наблюдение за противником; наличие сил, готовых быстро — немедленно — отправиться за ним в погоню (все это в свою очередь требовало четкого оперативного управления войсками).³³ По-видимому, отход к Кременцу и Боровску был осуществлен не всем войском, а только главными силами. Часть войск была оставлена непосредственно на Угре для наблюдения за противником и его преследования.³⁴

В противоположность тенденции, пронизывающей летописные рассказы об Угре,³⁵ великая победа, принесшая Руси освобождение от ордынского ига, была достигнута именно «своим оружием» — и не только храбростью и стойкостью войск, отбивавших в многодневных боях ордынцев от переправ через Угру, но и высоким качеством организации управления и командования русскими силами.³⁶ Это обеспечило возможность в сложных

³¹ ПСРЛ, т. 25, с. 328.

³² Амуртаза, узнав о приближении русских, «побеже... на ранней заре. А князи придоша на станы его на обед» (ПСРЛ, т. 26, с. 274).

³³ Неясно, на чем основано мнение В. Д. Назарова, что «известие об отступлении (Ахмата, — Ю. А.) было получено русским командованием только через два-три дня... когда ордынцы уже проходили Мценск» (Назаров В. Д. Свержение ордынского ига..., с. 55). В этих условиях посылка отрядов на Заокскую Украину не имела бы смысла — от устья Угры до района Конины и Ньюхова 60—80 км, а от Боровска — 150—170 км. Это значит, что конница Амуртазы могла появиться в этом районе 12—13 ноября, а русские отряды, отправленные из Боровска, — через 2—3 дня после бегства Ахмата, только 17—18 ноября, когда Украина была бы уже разорена ордынцами.

³⁴ Такого же мнения придерживается К. В. Базилевич (Базилевич К. В. Внешняя политика..., с. 160—161).

³⁵ «Да не нахвелятся несмыслени, во своем безумии глаголющи: „Мы своим оружием избавихом Русскую землю“» (ПСРЛ, т. 24, с. 201).

³⁶ Значение руководства в достижении победы на Угре не всегда находит должное признание в литературе. Так, В. Д. Назаров, подчеркивая (и справедливо) роль русских воинов, измотавших «полчища Ахмата на Оке и Угре», и горожан Москвы, настаивавших «на бескомпромиссной борьбе с ханом», не учитывает в достаточной мере тот факт, что борьба с ханом носила отнюдь не стихийный характер, а была крупнейшей военно-политической акцией Русского государства, успех которой был немислим без централизованного государственного руководства (Назаров В. Д. Свержение ордынского ига..., с. 56). В еще большей мере эта тенденция проявилась в статье Я. С. Лурье. Полемизируя с В. В. Каргаловым, дающим весьма высокую оценку руководству Ивана III на Угре,

военно-политических условиях провести образцовую стратегическую оборонительную операцию, закончившуюся полной победой над сильным и опасным противником.

Д. Н. АЛЫПИЧ

ЗАПИСКИ ГЕНРИХА ШТАДЕНА О МОСКВЕ ИВАНА ГРОЗНОГО КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Значение названных записок для изучения эпохи Грозного, и прежде всего истории опричнины, казалось бы, не нуждается в обсуждении. Запесенный судьбой в Московию, вестфалец Генрих Штаден нарисовал исключительно яркие картины русской жизни XVI в., описал Кремль и опричный двор царя, рассказал как очевидец о важнейших исторических событиях, например о сожжении Москвы Девлет-Гиреем в 1571 г. и о победоносной для русских битве с татарами при Молодях. Штаден общался с многими виднейшими деятелями государства — с главой посольского приказа И. М. Висковатым, с первым земским боярином И. П. Челядниным, с опричным градоначальником Москвы Григорием Грязновым, со знаменитыми воеводами М. И. Ворогыньским и Д. И. Хворостининым, с самим царем Иваном Васильевичем и с многими другими.

Особый, можно сказать, преимущественный интерес исследователей всегда вызывали свидетельства Штадена о его службе в опричнине. И это вполне понятно: арсенал источников об опричнине, которым располагает историческая наука, вообще крайне скуден. Что же касается современных ей свидетельств, исходящих к тому же не из враждебной опричнине среды, а «изнутри» опричнины, от лиц, в ней служивших, — их количество и вовсе ни-

Я. С. Лурье относит победу на Угре к числу событий, «совершающихся не в виде волевого акта отдельных лиц, а вследствие постепенных и глубоких изменений» (Лурье Я. С. Конец золотоордынского ига..., с. 66—67). С этим, однако, трудно согласиться. Едва ли обоснованно противопоставление таких исторических событий, «в которых ярко проявилась роль отдельных личностей», таким, которые «представляются столь же неотвратимыми, как явления природы» (там же, с. 67—68). И в тех и в других случаях законы исторического развития равно обязательны и неотвратимы. И в тех и в других случаях эти законы реализуются в действиях людей — участников исторического процесса. На Куликовом поле и при Полтаве «деяния простых людей и человеческих масс» (там же, с. 69) играют не меньшую и не большую роль, чем в многодневных боях на Угре и в преследовании армии Наполеона. Не меньшую и не большую роль в тех и других случаях играет и руководство этими «деяниями» и «массами» — войска состоят не только из солдат («простых людей»), но и из полководцев. Одинаково нежелательно как преувеличение «решающей роли каких-либо царей, героев или злодеев» (там же, с. 67), так и недооценка значения военно-политического руководства и конкретных лиц, его осуществляющих.